

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 110–124

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 110–124

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-110-124>, EDN: РОСМVL

Научная статья

УДК 81'27'38

Генрогенные ситуации (на примере болтовни)

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. Статья посвящена генрогенным ситуациям, т. е. ситуациям речежанрово маркированным, показательным для представления того или иного РЖ в данной национальной культуре.

Г_гС как когнитивный образ, соответствующий речевому жанру в сознании человека, включает, с одной стороны, совокупность компонентов ситуации общения, являющихся необходимыми и достаточными для порождения данного жанра, с другой – память о Г_гС реальных или реконструированных (писателями, психологами), в которых был порожден и получил развитие данный жанр.

Эти пункты обуславливают теорию и практику речежанровой методики на основе Г_гС: она, в отличие от теории речевых жанров в целом, имеет более отчетливую прикладную направленность, а именно: ориентирована на Г_гС и составление антологии/энциклопедии Г_гС.

Данная методика включает два аспекта: во-первых, модель, по которой Г_гС выделяются из речевого континуума и систематизируются (Г_гС как модель структуры статьи в антологии/энциклопедии); во-вторых, модель, по которой РЖ изучаются на материале и с учетом особенностей Г_гС (модель заполнения «тела» статей материалом).

Много внимания уделяется рефлексии (специалистов-коммуникативистов, художников слова, журналистов, блогеров) над Г_гС и непосредственно жанрами.

Рассматриваются более общие аспекты Г_гС, их место в речежанровой теории и лингвистической прагматике в целом: Г_гС и интегральное описание речевых жанров, Г_гС и жанрово-ролевые сценки, Г_гС и речежанровая первичность-вторичность, Г_гС и соотношение инвариантного и прототипного подходов к изучению текста и жанра, Г_гС и речежанровая вариантология.

В качестве иллюстрации обсуждаемого подхода приводятся Г_гС для РЖ *болтовня*.

Ключевые слова: генрогенные ситуации, теория речевых жанров, энциклопедия речевых жанров, методика, рефлексия, болтовня

Для цитирования: Дементьев В. В. Генрогенные ситуации (на примере болтовни) // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 110–124. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-110-124>, EDN: РОСМVL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genrogenic situations (on the example of *boltovnya* '≈chatter')

V. V. Demytyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Demytyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The article deals with genrogenic situations (G_gS), i.e. situations marked by speech genres, indicative of the representation of a particular speech genre in a given national culture.

The G_gS as a cognitive image corresponding to a speech genre in the human mind includes, on the one hand, a set of components of a communication situation, necessary and sufficient for the generation of this genre, and, on the other hand, the memory of the G_gS, real or reconstructed (by writers, psychologists), in which this genre was generated and developed.

These factors determine the theory and practice of speech genres methodology based on G_gS: it, unlike the theory of speech genres in general, has a more distinct applied focus: namely, it is focused on G_gS and the compilation of an anthology/encyclopedia of G_gS.

This technique includes two aspects: firstly, a model according to which G_gS are isolated from the speech continuum and systematized (G_gS as a model of article structure); secondly, a model according to which speech genres are studied using the material of the G_gS and taking into account their characteristics (model of filling the «body» of articles with the material).

Much attention is paid to reflection (by communication specialists, word artists, journalists, bloggers) on G_gS and genres themselves.

The article also considers more general aspects of the G_gS, their place in speech genres theory and linguistic pragmatics in general: G_gS and the integral description of speech genres, G_gS and genre role scenes, G_gS and speech genre primary-secondary nature, G_gS and the relationship between invariant and prototype approaches to the study of text and genre, G_gS and speech genre variantology.

As an illustration of the discussed approach the author offers G_gS for speech genre *boltovnnya* '≈chatter'.

Keywords: genrogenic situations, theory of speech genres, encyclopedia of speech genres, methodology, reflection, *boltovnnya* '≈chatter'

For citation: Dementyev V. V. Genrogenic situations (on the example of *boltovnnya* '≈chatter'). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 110–124 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-110-124>, EDN: POCMVL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1. Определение генрогенной ситуации

О принципиальной, критичной зависимости от ситуации общения и речевого жанра, и высказывания – базовой единицы речи, чьей формой и являются РЖ, писал еще М. М. Бахтин: «<...> непосредственные участники общения, ориентирующиеся в ситуации и в предшествующих высказываниях, легко и быстро охватывают речевой замысел, речевую волю говорящего и с самого начала речи ощущают развертывающееся целое высказывания» [1: 180].

Это положение Бахтина принимается и развивается в современном жанроведении, в частности, В. Е. Гольдин считал РЖ внутренней формой ситуации: «Соотнося явления коммуникативной и некоммуникативной деятельности, наиболее естественно связывать категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события» [2: 32].

Изучая чрезвычайно многообразные ситуации, исследователи – представители различных гуманитарных и даже негуманитарных наук – выделяют ситуации, наиболее показательные с различных точек зрения (тоже чрезвычайно многообразных). Так, В. И. Карасик вводит понятие *аксиологической ситуации*, особенно показательной для аксиологии, т. е. существующей в данной картине мира, в том числе языковой, системы ценностей: это «ситуации, с которыми связаны наши представления о добре и зле, о правильном и неправильном

поведении (помощь и предательство, героизм и трусость, сочувствие и насмешка, польза и вред, ум и глупость и др.) <...> Аксиогенные ситуации предполагают выбор между разными действиями и вытекающую отсюда ответственность за этот выбор, т. е. требуют совершения того или иного поступка» [3: 37–38; 4: 140].

Мы вводим понятие *генрогенной ситуации* (далее – Г_гС), т. е. ситуации речевого жанрово маркированной, показательной для представления того или иного РЖ (как когнитивного образа, так и реального бытования) в данной национальной культуре.

Г_гС как когнитивный образ, соответствующий речевому жанру в сознании человека, включает, представляется, четыре аспекта:

(1) совокупность компонентов ситуации общения, являющихся необходимыми и достаточными для порождения данного жанра, – с вариантами, допустимыми, но не выходящими за рамки жанра.

Как и другие подобные когнитивные образы (сценарий, фрейм), Г_гС может проявляться проспективно (участники общения или один из них понимают, что в момент X в их общении сложились все достаточные предпосылки для порождения жанра Y, – и жанр Y порождается) и ретроспективно (анализ ситуации, изнутри или «со стороны»: ответ на вопрос, что послужило предпосылкой для порождения данного жанра – желательного или нежелательного);

(2) память о Г_ГС реальных (говорящий мог быть или не быть их непосредственным участником) или реконструированных (писателями, психологами), в которых был порожден и получил развитие данный жанр (на основе таких ситуаций впоследствии складываются прецедентные, «крылатые» ситуации (по В. В. Прозорову [5]), а со стороны их вербального компонента – прецедентные тексты).

У одних типов РЖ сильнее выражен аспект (1), у других – (2). К первым относятся многие (но далеко не все) вторичные РЖ: институциональных сфер, официально-делового общения и т. д., ко вторым – бытовые.

Здесь важно отметить, что, если для наивного носителя речевых компетенций граница между Г_ГС и «просто» реализациями данного жанра не имеет ни принципиального, ни отчетливого характера (хотя и может осознаваться), то для исследователя-жанроведа Г_ГС – это тот доброкачественный и адекватный (более того: фактически единственный адекватный) материал, на котором он должен и может изучать данный РЖ, поэтому для исследователя-жанроведа граница между Г_ГС и «просто» реализациями данного жанра имеет принципиальный характер.

С точки зрения исследователя, пункты (1) и (2) обуславливают теорию и практику Г_ГС:

- **теория Г_ГС**, необходимая для выработки списка или системы параметров и компонентов, из которых складывается аспект (1) (понятно, что она во многом совпадает с положениями общей и частной теории речевых жанров (ТРЖ) – прежде всего, с моделями компонентного типа наподобие «анкеты РЖ» Т. В. Шмелевой), но, в отличие от ТРЖ в целом, имеет более отчетливую прикладную направленность (а именно: ориентирована на Г_ГС и составление антологии / энциклопедии Г_ГС);

- **практика Г_ГС** предполагает работу со всем доступным материалом: разговорная речь реальная, реконструированная (лингвистами-коммуникативистами и лингвистами-типологами, психологами) и вымышленная (художественная стилизация в литературе и кино), публицистика, эпистолярная, интернет-коммуникация, текстовые корпуса, рефлексия специалистов и неспециалистов над реальной, вымышленной и художественной коммуникацией, а также те ситуации, которые приводятся (в том числе придуманы) в различных лингвокоммуникативных студиях, фонохрестоматиях, откуда осуществляется отбор Г_ГС для всех жанров (аспект (2)) (понятно, что эта огромная работа – для коллектива / коллективов жанроведов на много лет и десятков лет).

Деление на теорию и практику так же условно, как и противопоставление аспектов (1) и (2): в целом жанроведческий подход на основе Г_ГС предполагает теоретически-прикладной синтез, а конечным итогом работы в этом направлении видится составление энциклопедии-хрестоматии для всех РЖ с этой точки зрения (точнее, для каждого РЖ – список «своих» Г_ГС) (в такой энциклопедии аспект (1) отвечает за разработку структуры статьи, аспект (2) – заполнение их материалом).

Для формирования образа РЖ, например в искусственном интеллекте, пунктов (1) и (2), по всей видимости, было бы достаточно. С точки зрения же реальной человеческой коммуникативно-речевой компетенции требуются еще как минимум два пункта:

- (3) представление о том, что в Г_ГС жанр может не быть порожден (подобным образом формулируется одно из главных положений *бихевиористской* теории языка, востребованной в *дистрибутивном* подходе: «Каждый член той или иной социальной группы должен при соответствующих обстоятельствах произносить определенные звуки речи и, слыша, как эти звуки произносит кто-то другой, надлежащим образом на них реагировать. Он должен понятно говорить и понимать, что говорят другие» [6: 43]);

- (4) память о ситуациях, в которых был порожден и получил развитие данный жанр, но которые не являлись Г_ГС. С точки зрения исследователя, здесь возможны два случая: (4_а) необходимые и достаточные для порождения данного жанра компоненты Г_ГС присутствовали, но не осознавались говорящими (но могут быть выявлены исследователем); (4_б) таких компонентов не было – здесь, по всей вероятности, в дело вступает чистая психология (в художественной литературе находим много примеров отображения ситуаций с рефлексией типа «Ничто не предвещало...», прежде всего конфликтных, например, у Ф. М. Достоевского).

2. Г_ГС как энциклопедическая и антологическая модель

Жанроведческая методика Г_ГС включает два аспекта: во-первых, модель, по которой Г_ГС выделяются из речевого континуума и систематизируются; во-вторых, модель, по которой РЖ изучаются на материале и с учетом особенностей Г_ГС.

2.1. Г_ГС как модель структуры статьи (теория Г_ГС). Модель, по которой выделяются Г_ГС, требует наличия частотных – в определенных сферах (не только художественной) Г_ГС, в которых представлена настоящая (сценарная) проработанность схем коммуникативно-

речевого поведения. Данная проработанность проверяется:

а) количеством реальных ситуаций бытования данного жанра;

б) количеством и качеством проработанных исследователями ситуаций – идентифицированных так, записанных и прокомментированных специалистами-коммуникативистами / жанроведами (в словарях, антологиях и корпусах – разметка);

в) количеством жанрово-речевых сценок, представляющих данный жанр, отображенных в художественной литературе и кино, текстовых корпусах;

г) экспериментально – соответствующими анкетами, опросниками и т. п. (пункты а–г – речь);

д) наличием лексической концептуализации, т. е. слов – названий данных Г_гС: литературных и нелитературных, положительно-, нейтрально- и отрицательно-оценочных (для одной и той же Г_гС возможно наличие разных – вплоть до диаметрально противоположных – оценочных названий, например: *беседа, разговор, болтовня, болтология, трёл, сплетничество, трещать, переливать из пустого в порожнее, растекаться мыслью по древу, порожняка гонять* (см. об этом в [7: 14, 15; 8: 81]). Отрицательная оценка может проистекать из «плохого» исполнения данного (нейтрально- или «хорошего») жанра или из того, что сам жанр «плохой» (пункт д – язык).

Это выделение (скорее – сведение вместе) коммуникативно-речевого и языкового содержания Г_гС, напоминающее сведение вместе лексики и грамматики в описании языковых единиц в известном «интегральном описании языка» по Ю. Д. Апресяну [9], в целом соответствует двум разным взглядам на жанр / коммуникацию: «извне» (это лексика, шире – языковой аспект вообще) и «изнутри» (по отношению к коммуникации – точка зрения участника коммуникации).

Таким образом, список Г_гС, релевантных для данного жанра, заполняется принципиально разным материалом по двум параметрам: лексическим (положительно-, нейтрально- и отрицательно-оценочным) и непосредственно-коммуникативным (жанрово-ролевые сценки и экспериментальный материал).

Впоследствии совокупность таких описаний сопоставляется – по этим же параметрам или модернизированным, «исправленным» с уче-

том местных особенностей – со списками Г_гС для других национальных культур, а также других эпох, социальных срезов общества и т. п.

Принципиальным является вопрос о **качестве** материала, из которого набираются Г_гС: записи реального общения (фонохрестоматии и восстановленные по памяти ситуации), отображенные писателями жанро-ролевые сценки (ЖРС), реконструированные психологами (в том числе экспериментальные, например разыгрываемые в группах по аутотренингу) и т. п.; также – важно – приводимые и описываемые лингвистами (в том числе жанроведами); письменные и устные, прецедентные, вторичные и т. д. Г_гС.

Авторы **рефлексии** над ситуациями и непосредственно жанрами разнородны: специалисты, художники слова, журналисты, блогеры, наивные носители языка. (Исходим из того, что рефлексия над жанром ученого (≈ описание данного РЖ в жанроведении) тоже в определенном смысле представляет собой Г_гС.) Например, представление Г_гС в научных трудах – лингвистических, психологических, культурологических, философских – варьируется от «чистых» Г_гС до нетривиальных («с ошибками») ситуаций развития жанров. Можно предположить, что они интереснее, чем «жанровый стандарт», авторам рефлексии – писателям, отчасти и лингвистам, которые, как известно, вообще охотно имеют дело с «отрицательным материалом» (особенно популярны такие штудии у психолингвистов и специалистов по культуре речи, но не только у них)¹. В случае жанров – приводится пример рече-жанровой аномалии с выводом: *Так нельзя!* и рефлексией: *Почему нельзя?*, в результате жанровые правила становятся яснее².

Таким образом, взгляд на Г_гС меняется в зависимости от источников / сфер Г_гС и субъектов рефлексии над Г_гС. Некоторые из них представляются универсальными (выделены цветом в таблице): реальная разговорная речь и ЖРС; лингвисты-коммуникативисты (в том числе жанроведы) (см. таблицу).

Тексты рефлексии чрезвычайно разнообразны: понятно, что у носителей языка – неспециалистов это чаще всего устная речь, трудно и редко фиксируемая в письменной форме; у лингвистов-коммуникативистов – письменные или устные, но всегда тщательно выстроенные тексты, комментарии к Г_гС; у литературоведов – иногда настоящие художественные

¹Как известно, наука в целом заимствовала данный подход из *апофатки* в богословии: познание Бога не через то, что Он есть, а через то, чем Он не является.

²Ср. «примеры» дружеских разговоров, которые приводит С. Ю. Данилов: Ср. типичность завершения диалога: «Ну, пока! Детали посмотрю, что там от “Жигулей” в гараже осталось. До встречи», – при маловероятности «До свидания. Тебя понял. Мужу ты изменяешь, хотя очень его любишь. Тебя не выдавать. Увидимся» (Первый пример из сферы тематической свободы (то есть необязательно откровенный), второй – из сферы тематической тайны (обязательно откровенный)) [10: 337].

Таблица / Table

Источник рефлексии	Субъект рефлексии			
	Носитель языка («наивный», неспециалист)	Лингвист-комму- никативист	Психолог / психотерапевт	Литературовед
Разговорная речь реальная	√	√	√	√
Речь вымышленная (художествен- ная стилизация)	√	√	√	√
Реконструированная лингвистами		√		
Реконструированная психологами		√	√	

произведения (этим, конечно, по-своему еще более убедительные) (ср., например, жанроведческие тексты В. В. Прозорова).

Как уже было сказано, особый тип Г₁С – прецедентные феномены / тексты / ситуации, роль их довольно велика, но еще не вполне ясна: так, носитель языка, реально владеющий данным жанром, вполне может не быть знаком ни с одним из текстов из набора вторичных (в том числе прецедентных) текстов.

Всегда остается вопрос: насколько правомерно считать представленный / запечатленный в Г₁С жанр «убедительным», «каноничным», отвечающим всем признакам / требованиям жанра? В конечном счете всё решает исследователь – составитель «списка Г₁С» (он стремится, как и любой настоящей ученый, к объективности – всеми теми способами, какие знают ученые: проверкой с опорой на представительный материал и надежную методику). С жанрово-ролевыми сценками дело по определению чуть проще: автор – художник, с обостренным чувством слова, хотя в то же время и носитель языка «как все», а значит, и тут субъективный момент всегда будет значим.

2.2. Г₁С как модель заполнения «тела» статей материалом (практика Г₁С). Достаточная степень проработанности «теории и практики Г₁С» (сегодня такое состояние видится принадлежностью неопределенного будущего) предполагает, что каждый РЖ должен изучаться, в его реальном бытовании, прежде всего на материале «его» Г₁С: предполагается, что все они предоставляют всю необходимую информацию об особенностях данного РЖ и не содержат особенностей, противоречащих природе жанра или «слишком далеко от нее удаляющихся» (что не отрицает в каждой конкретной реальной Г₁С факультативных черт); при этом большую проблему составляют недостаточно оформившиеся, не вполне сложившиеся жанры и «жанроиды». Также есть «косвенные» и подобные «непрямые», «неформализованные» и подобные жанры, для которых «чистых» Г₁С может не существовать

вообще (это одно из базовых положений теории непрямого общения [11: 234–337]).

Отобранные Г₁С, представляющие разные жанры, можно / нужно подвергнуть статистическому анализу, дающему заслуживающие доверие количественные результаты, и сравнить их для разных жанров (будут ли, с одной стороны, близкие количественные результаты для текстов Г₁С, представляющих один жанр, и разные – для представляющих разные жанры; с другой – обнаружится ли связь данных количественных результатов для текстов Г₁С данного жанра и выявленных другими способами / методами характеристик данного жанра, например, выявленных на основе идиоматических словарей ключевых фраз данного жанра).

Важная и сложная проблема – **оценочность** рефлексии в Г₁С. Роль ее также разнообразна: в одних случаях оценочность не предполагается (научная рефлексия), в других она составляет главную часть рефлексии (ср. концептологию, где тоже выделяются концепты, не включающие или почти не включающие ценностный компонент, и ценностно-ориентированные, или «телеологические», концепты).

Исследователь должен отдавать себе отчет в том, что рефлексия не предполагается в очень большом количестве даже «чистых» Г₁С – тех, которые видят (иногда участвуют в них) носители языка. Если данные Г₁С записывают исследователи-коммуникативисты, то, несмотря на их стремление к «чистой без примесей» записи, уже в самом факте выделения и фиксации данной ситуации есть элемент рефлексии. Если же Г₁С – объект художественного отображения или нехудожественной реконструкции да даже рассказа о ней в «Русской разговорной речи» (PPP) / эпистолярной / блоге и т. п., рефлексия есть всегда. Таким образом, вопрос об оценочности рефлексии над Г₁С выводит на более общий вопрос – оценочности, вероятно, «заложенной» в природе данного жанра. Ср. названия целого ряда жанров, являющиеся оценочными лексемами (*клевета, угроза, оскорбление, донос, подстрекательство, лесть, болтовня, попрек, сплетня, похвальба*) (в нелитературных

стратах их список гораздо больше) (об этом и некоторых других аспектах речежанровой оценочности см. нашу статью «Аксиологическая генристика» [12] и детальные семантические исследования Л. В. Балашовой [13–15]).

3. Место Г₇С в речежанровой теории

3.1. Прежде чем мы рассмотрим отношение Г₇С к базовым понятиям и единицам ТРЖ и отношение изучения Г₇С к другим направлениям речежанрового анализа, выскажем несколько соображений более общего характера – об отношении подхода на основе Г₇С к *лингвистической прагматике* в целом. Внимание, прежде всего, к коммуникативным ситуациям, их компонентам и параметрам и вызвало к жизни лингвистическую прагматику (и прагматику РЖ), наиболее активное и бурное развитие которой пришлось на 1980–1990-е гг. Параметры ситуаций систематизировались, у них выявлялись коммуникативные смыслы, значения, значимости, они группировались в типы, оппозиции, поля и т. д.

Для жанроведения связь с прагматикой является более естественной (ТРЖ во многом и сформировалась под влиянием прагматических идей, которые были очень влиятельными именно в 1980–1990-е гг.), чем для лингвистики. Поскольку для прагматики принципиально равны языковые и неязыковые параметры ситуации, она всегда воспринималась лингвистикой как близкая, но другая предметная область, несмотря на то, что проблемы и методы прагматики были безусловно полезны лингвистике и обогатили ее, на стыке лингвистики и прагматики развилась прагмалингвистика (подобно психолингвистике, социолингвистике).

Привнесение прагматики (⇒ ситуации) в изучение языковых единиц существенно обогатило лингвистику, проявило многие важные моменты данных языковых единиц. Собственно, языковые единицы и есть наиболее подходящие «орудия» для выделяемых и изучаемых в лингвистической прагматике типов ситуаций. При этом как в совершенно располагающей ситуации РЖ может и не звучать, так и использование «вроде бы подходящих» языковых единиц может не привести к порождению соответствующей ситуации.

Для ТРЖ прагматическая теория и методика не были привнесенными извне. Это подчеркивает значимость Г₇С как для речежанровой компетенции среднего носителя языка, так и для речежанровой теории. При этом, хотя, конечно, прагматика очень важна для жанроведения, но оно не исчерпывается ею одной (значимыми являются и лингвосемиотический аспект («язык-система»), и эстетический, и мн.др.). Прагмалингвистика и ТРЖ сегодня выступают как во многом взаимосвязанные,

но разные дисциплины (как и теория речевых актов (ТРА) и ТРЖ (оснований считать «одним и тем же» прагмалингвистику и ТРА гораздо больше), и лингвоконцептология и ТРЖ, и лингвистика в целом и ТРЖ [16]).

И прагматика, и ТРЖ обогатили лингвистику целым рядом положений, принципиальных для объекта лингвистики (язык и речь) и решаемых ею задач (по В. М. Алпатову, такими «вечными» вопросами лингвистики являются: «Как устроен язык?», «Как функционирует язык?» и «Как развивается язык?» [17: 17]) (см. цикл моих статей в «Жанрах речи» «Аспекты проблемы “жанр и язык”: жанры речи и... “язык речи”?» [18], «Что дало жанроведение современной лингвистике?» [16] и «Снова о “жанрах речи и языке речи”: что дала жанроведению лингвистике?» [19]). Исследование Г₇С также может обогатить не только ТРЖ, но и лингвистику – в частности, представлением о связи языковых единиц и естественных и неестественных для них условий и обстоятельств порождения, контекстов, ассоциативных связей с другими единицами. Если представления о языковых контекстах выработаны в недрах самой лингвистики (дистрибутивный анализ), то ассоциативные связи и ситуативные условия – психолингвистики (ассоциативный эксперимент) и прагматики.

3.2. Если, как было сказано, Г₇С предполагают заполнение материалом важнейших (иногда – менее важных) параметров («актантов», «слов») когнитивного образа РЖ, то список данных параметров черпается из возможности наиболее полных, подробных моделей – на роль одной из главных таких моделей сегодня претендует *интегральное описание речевых жанров* (ИОРЖ) (см.: [20]).

Конечно, очень важны в высокой степени проработанные, востребованные у исследователей модели, включающие, прежде всего, аспекты ситуации, т. е. прагматические аспекты. Складывающееся ИОРЖ и опирается прежде всего именно на такие модели, в частности, упомянутую «анкету РЖ» Т. В. Шмелевой. «Анкета РЖ» по сути включает именно параметры ситуации. А то, что исследовательница не вставила в «анкету» (в частности, первичные-вторичные РЖ, типологические и лингвокультурные характеристики жанров) (на что справедливо указывали критики (см. обзор в: [16])), могло быть важным для собственно РЖ, но не относилось к ситуации.

ИОРЖ – еще далеко не сформировавшаяся до конца предметная область, так что этот «путь поставок» двунаправленный. Многое, в свою очередь, «поставляется» в ИОРЖ из Г₇С. В этом отношении теоретически важно неупускание ничего из важных параметров жанра в Г₇С (а если упускаются – правомерен

вопрос: действительно ли они важны?), их частотность там.

3.3. Г₁С и жанрово-ролевые сценки – очевидно близкие и во многом пересекающиеся явления, но не тождественные.

ЖРС – отображенные в художественных произведениях и фольклоре четко жанрово определенные ситуации общения, в которых представлено большое количество вербальных и невербальных компонентов ситуации общения, необходимых для адекватного понимания интенциональной структуры и текстопорождения в рамках данного речевого жанра: лексический состав и синтаксическая форма реплик участников общения и их последовательность, которые можно считать типичными для данного жанра, значимые невербальные компоненты коммуникации, а также психологические состояния участников общения, которые невозможно учитывать при работе с записями устной речи, и типичное развитие жанра по стадиям [21: 95–97].

ЖРС довольно частотно используются в качестве материала для различных речевых исследований, при этом периодически поднимаются вопросы о доброкачественности такого материала.

С одной стороны, при работе с художественным материалом осуществлять такой отбор отчасти легче, чем с аутентичным устным, поскольку авторы-писатели исходят из принципа «особой значимости формы» речи, опуская все незначимое, все второстепенное, более того, по мнению М. Ю. Федосюка, художественный материал имеет преимущества при изучении РЖ: «многие содержательные типы высказываний <...> используются в достаточно интимных ситуациях общения, что по вполне понятным этическим причинам ограничивает возможности их наблюдения и фиксации. И в то же время подобные высказывания получают весьма частое отражение в художественных текстах. Художественные тексты вряд ли могли бы служить надежной основой для наблюдений над лексическими или грамматическими чертами русской разговорной речи, однако жанровые особенности этой речи, на наш взгляд, получают в них достаточно адекватное отражение» [22: 67]. М. Ю. Федосюка также принадлежит идея, что по мере повышения уровня языковой / речевой единицы художественный диалог становится всё более надежным материалом исследования, а в случае речевых жанров – настолько же надежным, как записи разговорной речи.

С другой стороны, большинство современных жанроведов далеки от того, чтобы считать материал, содержащийся в ЖРС, в такой же степени надежным, как оригинальный (если таковой когда-нибудь будет собран) – естественно, еще более далеки от того, чтобы считать ЖРС единственным источником материала при изучении РЖ. Точка зрения М. Ю. Федосюка, по-видимому, верна в том отношении, что, по мере продвижения от низших уровней языковых / речевых единиц к высшим, художественный материал становится всё более необходимым из-за того, что достоверного оригинального становится всё меньше. «Полевые» исследователи устной речи – литературной, просторечной, диалектной – знают, что

для того, чтобы получить практически полное представление о фонемном составе языка / его варианта, достаточно нескольких страниц расшифрованных записей; всех формообразующих морфем – нескольких десятков страниц; словообразующих – нескольких сотен; базовых синтаксических конструкций – около тысячи. Чтобы представить весь лексикон, может быть недостаточно и нескольких тысяч страниц, и всё же в конечном счёте это видится разрешимой задачей. Но собрать записи всех текстовых разновидностей речи, то есть РЖ, в принципе невозможно – по крайней мере, при современном уровне развития техники, а также, так сказать, современном состоянии морально-этических устоев.

Однако до сих пор в таких дискуссиях ЖРС противопоставлялись только «реальной» коммуникации, но не другим типам Г₁С, с которыми ЖРС образуют общее поле Г₁С. Скорее довольно скромное место ЖРС в этом поле обусловлено также тем, что в ЖРС разные жанры отображаются далеко не равномерно: есть, так сказать, «излюбленные» писателями жанры и «нелюбимые». Так, целый ряд речевых жанров получает традиционно богатое отображение в художественной литературе, например *признание* и *ссора* – даже если искать по-настоящему яркие, подробные, известные сцены, изображенные в произведениях, они всё равно будут исчисляться десятками.

ЖРС не обязательно содержат в себе жанрообразующие признаки: у писателей – авторов ЖРС нет цели составить «портрет» в с е х существенно важных черт жанра; тогда как собрать полный комплект Г₁С для этой цели, представляется, можно и нужно.

Но при этом ЖРС, поскольку более яркие и «художественные», чем другие типы Г₁С, а следовательно – с точки зрения информативности более целостны и завершены, во многих отношениях лучше представляют жанр как целостность, это настоящее «зеркало жанра», тогда как большинство Г₁С – лишь кусочки (конечно, тоже важные и показательные). В идеале, такими неяркими, но показательными кусочками можно покрыть весь РЖ, а ЖРС – нет.

3.4. Еще один важнейший теоретический и методологический вопрос, тоже связанный с выделением разных типов Г₁С, – как работает модель Г₁С для *речевых жанров первичности-вторичности*? Будут ли для первичных РЖ и соотносимых с ними вторичных одни и те же Г₁С или разные? Этот вопрос, несмотря на довольно основательную разработанность теории вторичных РЖ, еще далеко не решен. Отметим, что, например, в интернет-жанроведении, имеющем дело с «очень новым» материалом, плодотворно используется идея речевых жанров вторичности, а аутентичный ин-

тернет-материал рассматривается в сравнении с текстами первичных жанров, к которым предположительно восходят анализируемые интернет-жанры [23–35].

3.5. Еще один аспект общей теории речевых жанров, еще далеко не до конца разработанный, несомненно значимый для Г₇С (и наоборот), – соотношение **инвариантного и прототипного** подходов. Применительно к Г₇С, двумя важнейшими аспектами которых являются (1) совокупность компонентов ситуации общения, необходимых и достаточных для порождения данного жанра, и (2) память о Г₇С реальных или реконструированных, это соотношение является особенно актуальным: фактически речь идет о «примирении» в РЖ в их бытовании в сознании людей и реальной коммуникации (а также в системе положений и методике исследований) двух механизмов – инвариантного и прототипного, – которые в других областях науки, в частности традиционной лингвистике и прагмалингвистике, до сих пор чаще всего оказывались несовместимыми. (В последнее время появился целый ряд жанроведческих работ, где эти два подхода успешно сочетаются, например, докторантами-жанроведами из школы Т. В. Матвеевой: Т. В. Ицкович, М. А. Ширинкина, школы Н. Б. Лебедевой – Т. Г. Рабенко).

Теоретически-прикладной синтез, который предполагает жанроведческий подход на основе Г₇С, также может быть определен как разновидность **дистрибутивного** подхода (определение единицы через ее окружение / контекст и его типы). Данный подход как раз сочетает свойства структурного (типологического) ≈ инвариантного (через заданные определения, сетку параметров) ~ и субстанционального ≈ прототипного (присущего, например, изучению вторичных и прецедентных текстов).

3.6. С подходом на основе Г₇С связана, а в определенном смысле противостоит ему **речежанровая вариантология** [36]: она хотя и тоже прагматична, внимательна к компонентам ситуации общения (ср. коммуникативно-семиотическую модель Н. Б. Лебедевой и Т. Г. Рабенко), но принципиально ориентирована на отклонения от «жанрового канона» – т. е. как бы ориентирована на «не-Г₇С». Очень важное и для Г₇С, и для ТРЖ в целом соотношение стандарта, присущего Г₇С, и отклонений от стандарта, рассматриваемого в вариантологии, также еще предстоит осмыслить.

4. Генрогенные ситуации для РЖ *болтовня*

Как уже было сказано в названии, в настоящей пилотной статье представим Г₇С для русского речевого жанра *болтовня*. Название жанра, понятно, условное – оно оценочное,

а значит, одно из многих в «лексической части» Г₇С из данного описания. (Мы пока не можем сказать, насколько важно то, что сам автор (ученый, режиссер и необязательней – писатель) определил / назвал данный жанр / ситуацию *болтовней*.)

Жанр *болтовня* избран нами, с одной стороны, как иллюстрация жанрового типа достаточно частотного в качестве «материала» Г₇С, с другой – одного из наиболее трудных для формального представления, поиска и разметки на основе искусственного интеллекта в базах и корпусах: это один из наиболее «свободных» и неформализованных жанров, в очень большой степени вариативных, где, кажется, «возможно всё или почти всё» (на самом деле это, конечно, не так, о чем свидетельствует тот факт, что на роль Г₇С *болтовни* могут претендовать далеко не «все вообще» тексты).

Эти сложности хорошо отображены в работах, посвященных данному жанру, например: [37–42].

Но именно это добавляет и актуальности методу Г₇С, и особенно ярко иллюстрирует некоторые его возможности.

Г₇С для этого русского речевого жанра богато представлены и в виде ЖРС, и собрания записей в хрестоматиях и фонохрестоматиях, и лингвистических штудиях, и литературоведческих эссе; также богатый лексический материал дают идеографические словари. Параметры и характеристики данного жанра, наиболее частотно становившиеся объектом рефлексии в данных источниках, – *болтовня* как основное занятие и сопровождающее другое – фатическое или нефатическое; переход к *болтовне* от другого жанра (желаемого или нежелаемого); человек, склонный и несклонный к *болтовне*; умеющий «делать это» красиво и не умеющий; любящий и избегающий...

Конечно, мы не будем приводить все Г₇С *болтовни*, ограничимся (при пока минимуме нашего комментария) одной художественной Г₇С (она же ЖРС) (В. Шукшин), одной естественной (записанной) Г₇С (К. Ф. Седов) и одной лингвистической (научный текст, описывающий *болтовню*) (К. Ф. Седов), одной литературоведческой (В. В. Прозоров) и одной лексической (Л. В. Балашова).

В будущем антологию Г₇С *болтовни* составят многие другие тексты: из энциклопедий, коллективных монографий и фонохрестоматий (ср.: [43–45]), диссертаций.

4.1. Данные фонохрестоматий + лингвистический комментарий. Основными жанрами нейтрального фатического (по преимуществу) общения в русской лингвокультуре, по нашему убеждению, следует считать жанры, которые в генеристике чаще

называют терминами *болтовня (бытовой разговор), разговор по душам и светская беседа (светский разговор)*. Вместе они образуют своего рода семантический треугольник, в котором каждый жанр противопоставлен двум другим по одному основанию. <...> **Разговор** представляет собой некий инвариант рассматриваемых жанровых форм: *бытового разговора (болтовни), разговора по душам, светского разговора (светской беседы)*. Все названные жанры объединяет общность коммуникативного намерения – стремление к коммуникативному контакту. В этом, если так можно выразиться, состоит общая стратегия их внутрижанровой интеракции. Отличия между жанрами затрагивают иные уровни коммуникации: во-первых, характер коммуникативной ситуации, во-вторых, тематическое наполнение дискурса, в-третьих, тактические повороты в разворачивании сюжета, наконец, в-четвертых, разное концептуальное наполнение общения.

<...> Болтовню (бытовой разговор) от других родственных жанров <...> отличает особая прагматическая установка: участники общения обмениваются информацией, при этом в значительной степени коммуникация осуществляется ими ради самой коммуникации.

Дополняя определение разговора А. Вежицкой, мы определяем болтовню следующим образом.

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что мы не хотим говорить о серьезных вещах.

Болтовня (бытовой разговор) – первичный (нериторический) речевой жанр. Это форма построения дискурса, которой говорящего специально никто не обучает. К ней больше всего подходят слова М. М. Бахтина: «Родной язык не принимается людьми, – в нем они впервые пробуждаются. Процесс усвоения родного языка ребенком есть процесс постепенного вхождения ребенка в речевое общение. По мере этого вхождения формируется и наполняется содержанием его сознание» [46]. Этот речевой жанр может быть сопоставлен с ролевым Я-состоянием Дитя потому, что он сопровождается ситуацией неофициального и непубличного взаимодействия коммуникативных партнеров. Такое общение не предъявляет больших требований к соблюдению норм, а строится по принципу экономии языковых усилий, где эмоциональное заражение собеседника играет едва ли не более важную роль, нежели адекватная передача информации. Болтовня – речевой жанр, реализация которого в реальном дискурсивном поведении дает самые широкие возможности для самопрезентации говорящего. Иными словами, как показывают наши наблюдения, в болтовне языковая личность максимально отчетливо раскрывает особенности своего идиостиля: и по степени кооперации (конфликтная, центрированная или кооперативная) и по критерию поведения в конфликтной ситуации (куртуазная, рационально-эвристическая, инвективная). Бытовой разговор на уровне порождения высказывания не имеет четко определенной оценочной установки. Именно эта черта русской болтовни

не дает возможности четко определить ее концептуальное наполнение.

<...> Социально-психологический фон, на котором протекает болтовня, настраивает говорящих на легкое, поверхностное, скользящее по ассоциативному принципу дискурсивное поведение. Правила игры, которыми руководствуются коммуниканты, владеющие этим жанром, заключаются в том, чтобы не углубляться в намечаемые темы, а легко коснувшись их, перескакивать на другие. Это связано с глобальными неосознанными коммуникативными намерениями, общей иллюзивной модальностью говорящих: разговор идет не только ради получения информации, но ради утверждения социальной полноценности, получения психологических поглаживаний иногда от, иногда за счет собеседника. Иными словами, темы и конкретные мотивы участников общения не вполне ими осознаваемы. Основной принцип тематического движения определяется принципиальной незаданностью общения. Темы меняют одна другую по ассоциативному принципу. При этом говорящий не вполне знает, что он будет говорить в следующую минуту.

Для иллюстрации приведем небольшой фрагмент болтовни, записанный при помощи скрытого магнитофона.

[Пресуппозиция: общаются две тридцатилетние женщины, которые не виделись около трех месяцев. А (коммуникативный лидер) приехала в гости к Б, чтобы посмотреть новую квартиру. Фрагмент представляет собой продолжение диалога, начатого на кухне]

А – (входя из кухни в комнату) У вас что/ кресло новое?// Вроде бы/ одно было раньше//

Б – Да нет/ оно просто/ в другом месте стояло//

А – (подходя к окну) Ой/ глянь-ка/ у вас из окна что.../ кино.../ кинотеатр?// Да кстати/ а Наталья Ш./ она что/ как у нее с квартирой?//

Б – Они сейчас/ изо всех сил обменом занимают-ся// Варианты отработывают//

А – Интересно/ откуда деньги у них?//

Б – Да это мать мужа В./ дала...//

А – Ну/ не знаю/ не знаю// Да/ ты знаешь/ кого я недавно встретила?// Сережку/ Лилькиного мужа// [Пресуппозиция: Сережка – общий знакомый А и Ш.] Представляешь/ в поликлинике// Иду по коридору/ смотрю/ лицо знакомое// Сережка// Ба...// Лилька бедная// Она так второго ребенка и не родила// Он не хочет// (...) (поднимает глаза на картину, висящую на стене) А эта сейчас где?// [Пресуппозиция: имеется в виду автор картины, художница Л, подруга Б] Она говорят/ в Москву переехала// С мужем вроде разошлась// Там говорят/ молодого нашла// Правда что ль?//

Б – Правда//

А – Ба!// Некрасивая такая// Кто бы подумал// Роковая женщина// И что/ картины ее покупают?// Б – Не то слово// Не за рубли/ за баксы//

А – Да ты че!?!... А что эт у тебя/ новая (показывает на сумочку, висящую на стуле)// Я раньше не видела// Давно купила?//

Б – Да она у меня уже сто лет// Я ее просто не ношу// Она по цвету ни к чему не подходит//...

Приведенный дискурс наглядно показывает природу формирования высказывания и логику темати-

ческого развития интеракции. Разговор начинается с тактики вопроса по поводу предметов, присутствующих в поле зрения (кресла, кинотеатра, виденного из окна комнаты), затем по ассоциации с видом из окна новой квартиры – новая тема (возможность приобретения квартирой общими знакомыми). Появляется иная внутржанровая тактика – рассказ об отсутствующем лице. Далее опять-таки – ассоциативный переход к следующей тактике (новому субжанру) – рассказу о событии, участником которого стала А (о встрече с Сережкой, Лилькиным мужем). Следующий субжанр рождается от случайного взгляда, который коммуникативный лидер бросает на стену, где висит картина Л), тактику рассказа меняет тактика сплетни о женитьбе и разводе художницы (информация из недостоверных источников). И опять – быстрый переход к вопросу о визуально зримом предмете (сумочке). Каждая тема возникает в болтовне случайно; с той же долей вероятности ход разговора мог изменить свое течение, затронуть другие столь же необязательные темы. Ядерными субжанрами болтовни, определяющими ее основные тактики, следует считать *рассказ об увиденном, рассказ об отсутствующем лице и сплетню*. К ним можно добавить такие факкультативные субжанры, как *комплимент, колкость, просьбу, утешение, подтверждение, инвективу, почтение* и т. п. [47: 221–225].

4.2. Лексика. *Беседа, разговор, болтовня, болтология, трёл, сплетничество, бла-бла, художественный свист, трещать, переливать из пустого в порожнее, растекаться мыслью по древу, порожняка гонять, нести / травить / разводить баланду, грузить, бодягу гнуть, буровить, галчить, свистеть, кофемолить, бухтеть, звенеть ведром, вату гонять, вола волить, гнать / пороть ботву, кислотой брызгать, пихать ишака, расчехлить лапшамет, наканифолить, чешать, разводить / завести бодягу, жевать мочалку, ездить по ушам, висеть на ушах, пылить, рамсы раскидать, свистеть как Троцкий; балалаечник, шлепало, бодяга, ботало, ботва, грузчик, звонарь, звонок, клизма, трекало, базарогон, тьявка, якубович, гонки, базар-вокзал, трепанация, баланда, антикварный баян, ботва, гамма, грузия, канифоль, порожняк, пурга, пурген, разговор на Волге, хлебово, чешуя* [48: 362].

4.3. ЖРС

В. Шукшин. Одни

Как-то раз осенним вечером сидели они – Антип в своем уголке, Марфа у стола с вязаньем.

Молчали.

Во дворе слякотно, дождик идет. В доме тепло, уютно. Антип молоточком заколачивает в хомут медные гвоздочки: тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук... Отложила Марфа вязанье, о чем-то задумалась, глядя в окно.

Тук-тук, тук-тук, – постукивает Антип. И еще тикают ходики, причем как-то так, что кажется, что

они вот-вот остановятся. А они не останавливаются. В окна мягко и глуховато сыплет горстями дождь.

– Чего пригорюнилась, Марфынька? – спросил Антип. – Все думаешь, как деньжат побольше скопить?

Марфа молчит, смотрит задумчиво в окно. Антип глянул на нее.

– Помирать скоро будем, так что думай не думай. Думай не думай – сто рублей не деньги. – Антип любил поговорить, когда работал. – Я вот всю жизнь думал и выдумал себе геморрой. Работал! А спроси: чего хорошего видел? Да ничего. Люди хоть сражались, восстания разные поднимали, в гражданской участвовали, в Отечественной... Хоть уж погибли, так героически. А тут – как сел с тринадцати годов, так и сижу – скоро семисят будет. Вот какой терпеливый! Теперь: за что я, спрашивается, работал? Насчет денег никогда не жадничал, мне плевать на них. В большие люди тоже не вышел. И специальность моя скоро отойдет даже: не нужны будут шорники. Для чего же, спрашивается, мне жизнь бы-ла дадена?

– Для детей, – серьезно сказала Марфа.

Антип не ждал, что она поддержит разговор. Обычно она обрывала его болтовню каким-нибудь обидным замечанием.

– Для детей? – Антип оживился. – С одной стороны, правильно, конечно, а с другой – нет, неправильно.

– С какой стороны неправильно?

– С той, что не только для детей надо жить. Надо и самим для себя немножко.

– А чего бы ты для себя-то делал?

Антип не сразу нашелся, что ответить на это.

– Как это «чего»? Нашел бы чего... Я, может, в музыканты бы двинул. Приезжал ведь тогда человек из города, говорил, что я самородок. А самородок – это кусок золота, это редкость, я так понимаю. Сейчас я кто? Обыкновенный шорник, а был бы, может...

– Перестань уж!.. – Марфа махнула рукой. – Завел – противно слушать.

– Значит, не понимаешь, – вздохнул Антип.

Некоторое время молчали.

Марфа вдруг всплакнула. Вытерла платочком слезы и сказала:

– Разлетелись наши детушки по всему белу свету.

– Что же им, около тебя сидеть всю жизнь? – заметил Антип.

– Хватит стучать-то! – сказала вдруг Марфа. – Давай посидим, поговорим про детей.

Антип усмехнулся, отложил молоток.

– Сдаешь, Марфа, – весело сказал он. – А хочешь, я тебе сыграю, развею тоску твою?

– Сыграй, – разрешила Марфа.

<...> Марфа так и покатила:

– Ну, не дурак ли ты, Антип!

Ох, там, ри-та-там,
Ритатушеньки мои!

– Сядь, споем какую-нибудь, – сказала Марфа, вытирая слезы.

Антип слегка запыхался. Улыбаясь, смотрел на Марфу.

- А? А ты говоришь: Антип у тебя плохой!
- Не плохой, а придурковатый, – поправила Марфа.
- Значит, не понимаешь, – сказал Антип, несколько не обидевшись за такое уточнение. Сел. – Мы могли бы с тобой знаешь как прожить! Душа в душу. Но тебя замучили окаянные деньги. Не сердись, конечно.
- Не деньги меня замучили, а нету их, вот что мучает-то.
- Хватило бы... брось, пожалуйста. Но не будем. Какую желаете, мадемуазель-фрау?
- Про Володю-молодца.
- Она тяжелая, ну ее!
- Ничего. Я поплачу хоть маленько,

Ох, не вейти-ися, чайки, над морем,
запел Антип.

Вам некуда, бедненьким, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далекий,
Снесите печальную-я весть.

Антип пел задушевно, задумчиво. Точно рассказывал.

Ох, в двенадцать часов темной но-очий
Убили Володю-молодца-а.
Наутро отец с младшим сыном...

- Марфа захлопала.
- Антип, а Антип!., Прости ты меня, если я чем-нибудь тебя обижаю, – проговорила она сквозь слезы.
- Ерунда, – сказал Антип. – Ты меня тоже прости, если я виноватый.
- Играть тебе не даю...
- Ерунда, – опять сказал Антип. – Мне дай волю – я день и ночь согласен играть.
- Так тоже нельзя. Я понимаю.
- Хочешь, чекушечку тебе возьмем?
- Можно, – согласился Антип,
Марфа вытерла слезы, встала.
- Иди пока в магазин, а я ужин соберу.

4.4. Литературоведческий комментарий. «Эпическое начало, устремлённое к некоему равновесному состоянию, обнимает всё разнообразие живого фатического общения, при котором сам акт коммуникации со своими героями и героинями многообразно самоценен и представляет собой поведенчески-речевое ритуальное событие, фамиллярное, ласковое, приятельское, праздное, неприязненное, намеренно раздражающее, бранное говорение, признание, описание, разные виды “непрямой коммуникации” <...>. Эпическое многоцветие пронизывает жанры светской беседы, благодарности, флирта, комплимента, шутки, анекдота, разговора по душам, разговора с попутчиками, объяснения в любви, похвальбы, жалобы, оскорбления, извинения, издёвки, тоста, поздравления и соболезнования, проповеди, беседы...» [49: 147].

4.5. ЖРС + «художественный» литературоведческий комментарий. < ... > повествователь

в «Поездке за Волхов» <...> передаёт непосредственные ощущения от быстро меняющихся картин берегов, от могучей и полной «до самых краев» Невы:

– А не правда ли, окрестности Петербурга очень грустны? – проговорил кто-то басом возле меня, так что я вздрогнул и оглянулся.

Эта реплика отпущена как бы невзначай в никуда. И вместе с тем она, вне сомнений, имеет в виду вполне конкретное, рядом находящегося адресата. Эта фраза представляет собой пример наугад выдуманного инициативного зачина предполагаемого, вероятного разговора с незнакомым человеком, с которым непроизвольно возникла доверительная охота поделиться своими впечатлениями. Вопросительная интонация перекрывается утвердительно-суждения. Так неожиданно происходит интересное и случайное палубное знакомство. Инициатор – попутчик автора: «Добродушное выражение его лица напоминало мне моих знакомцев степных помещиков, и мне показалось, что я где-то его видел».

Слово за словом, и завязывается беседа общительного и неутомимого пензенского «степного помещика» Аркадия Петровича с автором. По ходу обмена репликами используются церемонные этикетные обороты, свойственные устной речевой культуре образованных людей России позапрошлого века, отчасти, с некоторой долей самонасмешливого пародирования, сохраняющиеся и в наше время: «Мне кажется, я имел удовольствие где-то встретиться с вами?»; «Весьма вероятно»; «Скажите же мне, пожалуйста (я степняк, и этот вопрос для меня извинителен), вы должно быть отлично знаете Россию?».

Даже приступая к спору, они не оставляют предупредительно вежливой манеры обращения: «Но я попрошу ответить мне на некоторые вопросы, только беру наперед слово, что вы будете отвечать чистосердечно»; «Извольте» и др.

Почти сразу же открылось, что они давно знакомы и «почти родные». Последующее сюжетно-очерковое развитие погружает читателя в неторопливый разговор случайных спутников, оказавшихся земляками. Разговор невольно переходит в спор. Спор этот касается их разного оценочного отношения к особенностям российского ландшафта – прекрасного и восторженного взгляда у Аркадия Петровича и сдержанно скептического у автора:

– Куда же вы теперь пробираетесь, Аркадий Петрович? – спросил я своего собеседника. – Или все еще продолжаете свое вечное путешествие по России?

В вопросе ощутима уже встречающая заинтересованность в продолжении разговора: обращение по имени и отчеству, некоторая доля легкого подтрунивания над стойким увлечением попутчика («продолжаете свое вечное путешествие»). В контексте разворачивающегося диалога важна и несколько провокативно усмешливая семантика глагола «пробираться», т. е. трудно перемещаться, передвигаться, преодолевая на своем пути заведомо известные и неведомые препятствия и неудобства. Собеседник подхватывает эту интонацию и переводит её в регистр убежденно добродушного подтрунивания над

собой, над своей милой сердцу страсти к перемене мест.

– Да! И не намерен никогда его кончить. Это совсем не так скучно, как вы думаете. Я только что вернулся из Финляндии и пробираюсь теперь в Петрозаводск, а оттуда думаю махнуть в Колу. Впрочем, еще и сам хорошенько не знаю, куда направляю стопы свои. А вы?

– Я еду по делам, в Ладожский уезд, в деревню.

Этим ответом Аркадий Петрович несказанно обрадован: ему искренне хочется приобщить симпатичного собеседника к своим увлечениям, связанным с нескончаемыми, представляющими огромный интерес странствованиями по родной стране:

– Браво! Я вас поздравляю. Вам предстоит прекрасная дорога, и вы, верно, напечатаете свои дорожные впечатления?

– Право не знаю. Кажется, здесь не предстоит ничего особенно интересного, да что и есть, так все известно и переизвестно. Я удивляюсь вам, как вы находите пищу для любознательности в бесконечных вояжах по этой однообразной равнине?»

Последняя реплика сильно задевает собеседника за живое, он выдерживает паузу, а затем вежливо, но твердо решается оппонировать, используя форму множественного числа для аттестации несогласных с собой:

– Странны для меня все вы, господа! – проговорил он наконец. – Однообразная равнина да однообразная равнина! Затвердили одно, да на этом и остановились.

<...> Показателен примиряющий финал разговора, в котором от начавшего было закипать спора стал намечаться путь к взаимному поиску согласия: «Я замолчал, побежденный неумолимой логикой моего собеседника, хотя какие-то возражения еще шевелились в моем уме» [50: 148–150].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
2. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34.
3. Карасик В. И. Форматирование аксиогенных ситуаций // Карасик В. И. Языковая пластика общения. Волгоград : Парадигма, 2017. С. 37–70.
4. Карасик В. И. Аксиогенные ориентиры бытия // Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М. : Дискурс, 2019. С. 6–140.
5. Прозоров В. В. Крылатые выражения и ситуации // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 75–83.
6. Блумфилд Л. Язык. М. : Прогресс, 1968. 606 с.
7. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с. (Язык. Семантика. Культура. Series Minor).
8. Гольдин В. Е. Проблема варьирования культурных концептов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. сим-

Заключение

В настоящей статье высказываются лишь наиболее общие соображения, касающиеся природы и способов изучения Г_ТС.

Связав теоретический и методологический аспекты жанроведческого подхода на основе Г_ТС с жанроведческими теорией и практикой в целом, еще раз подчеркнем, что (в отличие от многих других направлений ТРЖ), практика Г_ТС особенно очевидна: она «лексикографически-словарно-энциклопедически-антологическая», предполагает и разработку структуры статьи в словаре / энциклопедии / антологии (теория Г_ТС), и заполнение «тела» статей материалом (практика Г_ТС).

Многие очень важные для теории и практики Г_ТС вопросы даже не были поставлены, например, о конкретных способах идеографического построения антологии Г_ТС (а не словарного / алфавитного, если именно идеографический принцип будет выбран). Также не обсуждался вопрос о динамике Г_ТС, отражающей речежанровую диахронию (данный вопрос пересекается с обсуждавшимся вопросом о речежанровой вторичности через призму Г_ТС, но лишь отчасти).

Генрогенные ситуации для РЖ болтовня, представленные здесь, имели иллюстративный характер: отдаем себе отчет в том, что ни список, ни качество их не могут претендовать на звание окончательных и вполне удовлетворить взыскательного читателя-жанроведа.

позиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. : в 2 ч. Ч. 1. Волгоград : Перемена, 2003. С. 80–87.

9. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.

10. Данилов С. Ю. Константа открытость в русской коммуникативной практике: речежанровый аспект // Русское повседневное общение: прагматика, культурология: монография / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина ; под науч. ред. проф. И. Н. Борисовой. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2018. С. 317–396.

11. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.

12. Дементьев В. В. Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 9–24. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>

13. Балашова Л. В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 93–108.

14. Балашова Л. В. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // Жанры речи : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев.

Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 59–79.

15. *Балашова Л. В.* Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // *Жанры речи*. 2017. № 1 (15). С. 6–29. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29>

16. *Дементьев В. В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/23110740-2020-3-27-172-194>

17. *Алпатов В. М.* Что и как изучает языкознание // *Вопросы языкознания*. 2015. № 3. С. 7–21.

18. *Дементьев В. В.* Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и... «язык речи»? // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 5–22.

19. *Дементьев В. В.* Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

20. *Дементьев В. В.* К проблеме интегрального описания речевых жанров // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>

21. *Дементьев В. В.* Жанрово-ролевые сценки: обоснование подхода к составлению энциклопедии речевых жанров // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. Орёл : Орлов. гос. ин-т искусств и культуры*, 2008. Вып. 6. С. 95–109.

22. *Федосюк М. Ю.* Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 66–88.

23. *Горошко Е. И.* «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или Что нового появилось в виртуальном жанроведении // *Вестник Тверского государственного университета*. 2011. № 3. С. 11–21.

24. *Горошко Е. И., Полякова Т. Л.* К построению типологии жанров социальных медий // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 119–127.

25. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

26. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : Флинта ; Наука, 2012. 328 с.

27. *Рогачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 24 с.

28. *Щипицина Л. Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография. Архангельск : Поморский университет, 2009. 238 с.

29. *Щипицина Л. Ю.* Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 40 с.

30. *Щурина Ю. В.* Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // *Коммуникация. Мышление. Личность* : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. С. 464–474.

31. *Askehave I., Nielsen A.* What are the Characteristics of Digital Genres? // *Genre Theory from a Multi-modal Perspective* : Proceedings of the 38th Hawaii International

Conference on System Sciences. University of Hawaii at Manoa, 2005. P. 120–141.

32. *Crystal D.* *Language and the Internet*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 272 p.

33. *Herring S. C.* A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // *Language@Internet*. 2007. № 4. Article 1. URL: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (дата обращения: 26.04.2009).

34. *Herring S. C.* New frontiers in interactive multimodal communication // *The Rutledge handbook of language and digital communication* / eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L. : Rutledge, 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (дата обращения: 06.07.2015).

35. *Ihlstrom C.* The Evolution of a New(s) Genre : Doctoral Dissertation. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University. Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.

36. *Рабенко Т. Г.* Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 50 с.

37. *Балашова Л. В., Дементьев В. В.* Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (*Studia Philologica*).

38. *Седов К. Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 440 с. (*Studia Philologica*).

39. *Лемяскина Н. А.* Речевой жанр «болтовня» в коммуникативном поведении младшего школьника // *Язык и национальное сознание : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Воронеж : Истоки*, 2005. С. 233–237.

40. *Устратова М. В.* «Болтовня» как специфика свободного рассказывания в прозаических отрывках А. С. Пушкина // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия : Филология. 2016. № 3. С. 337–342.

41. *Никишина Т. Ю.* Мотив болтовни и мотив молчания в малой прозе 40–60-х годов XX в. (Луи-Рене Дефоре, Морис Бланшо) // *Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2013. № 20 (121). С. 185–190.

42. *Разинов Ю. А.* Банальная ложь обыденной речи: болтовня и красноречие // *Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение*. 2014. № 10 (132). С. 156–163.

43. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Наука ; Флинта, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 694 с.

44. *Русское повседневное общение: прагматика, культурология: монография* / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина; под науч. ред. проф. И. Н. Борисовой. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2018. 442 с.

45. *Ценностное содержание разговорного диалога : монография* / Т. В. Матвеева, И. В. Шалина, И. Т. Вепрева [и др.]; отв. ред. Т. В. Матвеева, И. В. Шалина ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 228 с.

46. *Волошинов В. Н.* *Марксизм и философия языка*. М. : Лабиринт, 1993. 196 с.

47. *Седов К. Ф.* *Разговор* // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация* / под общ. ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 220–230.

48. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси ; Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).

49. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>

50. Прозоров В. В. Поэтика человеческого общения в очерке К. Д. Ушинского «Поездка за Волхов» // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 146–154. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-146-154>

REFERENCES

1. Bahtin M. M. Problem of speech genres. From archival recordings to the work “The Problem of Speech Genres”. Text problem. In: Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960 godov* [Collected works. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 159–206 (in Russian).

2. Goldin V. E. Names of speech events, of speech deeds, and of genres of Russian speech. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 23–34 (in Russian).

3. Karasik V. I. Formatting axiogenic situations. In: Karasik V. I. *Yazykovaya plastika obshcheniya* [Linguistic plasticity of communication]. Volgograd, Paradigma, 2017, pp. 37–70 (in Russian).

4. Karasik V. I. Axiogenic landmarks of being. In: Karasik V. I. *Yazykovyye mosty ponimaniya* [Linguistic bridges of understanding]. Moscow, Diskurs, 2019, pp. 6–140 (in Russian).

5. Prozorov V. V. Winged expressions and situations. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, iss. 3, pp. 75–83 (in Russian).

6. Bloomfield L. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress, 1968. 606 p. (in Russian).

7. Shmelev A. D. *Russkaja jazykovaja model' mira* [Russian language model of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 224 p. (Language. Semiotics. Culture. Series Minor) (in Russian).

8. Goldin V. E. The problem of variation of cultural concepts. *Problemy verbalizatsii kontseptov v semantike yazyka i teksta: materialy mezhdunar. simpoziuma. Volgograd, 22–24 maya 2003 g.: v 2 ch. Ch. 1* [Problems of verbalization of concepts in the semantics of language and text: Materials of the international symposium, Volgograd, May 22–24, 2003: in 2 parts. Part 1]. Volgograd, Peremena, 2003, pp. 80–87 (in Russian).

9. Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy. Tom II. Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Volume II. Integral description of the language and system lexicography]. Moscow, Languages of Russian culture, 1995. 767 p. (in Russian).

10. Danilov S. Yu. Frankness constant in Russian communicative practice: Speech-genre aspect. In: *Russkoye povsednevnoye obshcheniye: pragmatika, kul'turologiya. I. N. Borisova, S. Yu. Danilov, T. V. Matveyeva, N. N. Rozanova, I. V. Shalina; pod nauch. red. prof. I. N. Borisovoy* [Borisova I. N., ed. Russian everyday communication: pragmatics, cultural studies. Borisova I. N., Danilov S. Yu., Matveyeva T. V., Rozanova N. N., Shalina I. V.]. Yekaterinburg, Humanitarian University Publ., 2018, pp. 317–396 (in Russian).

11. Demytyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis, 2006. 376 p. (in Russian).

12. Demytyev V. V. Axiological genericity: Aspects of a problem “evaluation and genre”. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 9–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>

13. Balashova L. V. Verbal communication and its reflection in the idiomatics of Russian. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: sb. nauch. tr. Otv. red. V. V. Demytyev* [Demytyev V. V., ed. Direct and indirect communication: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2003, pp. 93–108 (in Russian).

14. Balashova L. V. Nominations of speech genres and their components in the modern Russian language. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Otv. red. V. V. Demytyev. Vyp. 6. Zanr i yazyk* [Demytyev V. V., ed. Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 6. Genre and language]. Saratov, ITs “Nauka”, 2009, pp. 59–79 (in Russian).

15. Balashova L. V. Speech genres in russian idiomatics (semantic and conceptual aspects). *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 6–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29>

16. Demytyev V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics?. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian).

17. Alpatov V. M. What and how studies linguistics. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 3, pp. 7–21 (in Russian).

18. Demytyev V. V. Aspects of the problem “genre and language”: The genres of speech and ... “language of speech”? *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Otv. red. V. V. Demytyev. Vyp. 6. Zanr i yazyk* [Demytyev V. V., ed. Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 6. Genre and language]. Saratov, ITs “Nauka”, 2009, pp. 5–22 (in Russian).

19. Demytyev V. V. About “genres of speech and language of speech” again: What has linguistics given to genre studies? *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian).

20. Demytyev V. V. On the problem of integral description of speech genres. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>

21. Demytyev V. V. Genre-role scenes: An approach to compiling an encyclopedia of speech genres. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediyonom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and types of text in academic and media discourse: Interuniv. coll. of sci. arts]. Oryol, Oryol State Institute of Culture Publ., 2008, iss. 6, pp. 95–109 (in Russian).

22. Fedosyuk M. Yu. Research means of speech influence and theory of speech genres. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Goldin V. E., ed. Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 66–88 (in Russian).

23. Goroshko E. I. The twittering genre 2.0 Twitter or what's new in the study of virtual genres. *Bulletin of Tverskoy State University*, 2011, no. 3, pp. 11–21 (in Russian).

24. Goroshko Ye. I., Polyakova T. L. To the construction of a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 119–127 (in Russian).

25. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znack, 2010. 600 p. (Communicative strategies of culture) (in Russian).

26. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya: koll. monografiya. Nauch. red. T. N. Kolokol'tseva,*

O. V. Lutovinova [Kolokol'tseva T. N., Lutovinova O. V., eds. Internet communication as a new speech formation]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012. 328 p. (in Russian).

27. Rogachova N. B. *The structure and functioning of the internet-communication secondary speech genres*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 24 p. (in Russian).

28. Shchipicina L. Yu. *Zhanry komp'yuternoposredovannoj kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangel'sk, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov Publ., 2009. 238 p. (in Russian).

29. Shchipitsina L. Yu. *Complex linguistic characteristic of computer-mediated communication (based on Gemarn language)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Voronezh, 2011. 40 p. (in Russian).

30. Shchurina Yu. V. Secondary comic speech genres of Internet communication. In: *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost: materialy mezhdunar. nauch. konf. pamyati I. N. Gorelova i K. F. Sedova* [Communication. Thinking. Personality: Materials of international scientific conference dedicated to I. N. Gorelov and K. F. Sedov]. Saratov, ITs "Nauka", 2012, pp. 464–474 (in Russian).

31. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? *Genre Theory from a Multi-modal Perspective: Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences*. University of Hawaii at Manoa, 2005, pp. 120–141.

32. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 272 p.

33. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no. 4, article 1. Available at: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (accessed April 26, 2009).

34. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication. *Georgopoulou A., Spilloti T., eds. The Rutledge handbook of language and digital communication*. London, Routledge, 2015. Available at: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (accessed July 6, 2015).

35. Ihlstrom C. *The Evolution of a New(s) Genre*: Doctoral Dissertation. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University. Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.

36. Rabenko T. G. *Genres of natural written Russian language in the variantological aspect*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 50 p. (in Russian).

37. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkiye rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing house, 2022. 832 p. (Studia Philologica). (in Russian).

38. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, LRC Publishing house, 2016. 440 p. (Studia Philologica). (in Russian).

39. Lemyaskina N. A. Speech genre "chatter" in the communicative behavior of a younger student. *Yazyk i natsional'noye soznaniye: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 7*

[Language and National Consciousness: Interuniversity coll. sci. works. Iss. 7]. Voronezh, Istoki, 2005, pp. 233–237 (in Russian).

40. Ustratova M. V. "Chatter" as a specificity of free storytelling in prose passages by A. S. Pushkin. *Bulletin of Tver State University. Series : Philology*, 2016, no. 3, pp. 337–342 (in Russian).

41. Nikishina T. Yu. The motive of chatter and the motive of silence in short prose of the 40–60s of the XX century. (Louis-René Defore, Maurice Blanchot). *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies*, 2013, no. 20 (121), pp. 185–190 (in Russian).

42. Razinov Yu. A. Banal lies of everyday speech: chatter and eloquence. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art history*, 2014, no. 10 (132), pp. 156–163 (in Russian).

43. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka. Pod red. M. N. Kozhinoy* [Kozhina M. N., ed. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka, Flinta, 2003 (SUE IPK Ulyan. Printing House). 694 pp. (in Russian).

44. *Russkoye povsednevnoye obshcheniye: pragmatika, kul'turologiya*. I. N. Borisova, S. Yu. Danilov, T. V. Matveyeva, N. N. Rozanova, I. V. Shalina; pod nauch. red. prof. I. N. Borisovoy [Borisova I. N., ed. Russian everyday communication: pragmatics, cultural studies. Borisova I. N., Danilov S. Yu., Matveeva T. V., Rozanova N. N., Shalina I. V.]. Yekaterinburg, Humanitarian University Publ., 2018. 442 p. (in Russian).

45. *Tsenmostnoye sodержaniye razgovornogo dialoga*. T. V. Matveyeva, I. V. Shalina, I. T. Vepreva [i dr.]; otv. red. T. V. Matveyeva, I. V. Shalina [Matveeva T. V., Shalina I. V., eds. Valuable content of colloquial dialogue. T. V. Matveeva, I. V. Shalina, I. T. Vepreva [and others]]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2021. 228 p. (in Russian).

46. Voloshinov V. N. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the philosophy of language]. Moscow, Labirint, 1993. 196 p. (in Russian).

47. Sedov K. F. Conversation. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya. Pod obshch. red. K. F. Sedova* [Sedov K. F., ed. Anthology of speech genres: Everyday communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 220–230 (in Russian).

48. Balashova L. V. *Russkaya metaforycheskaya sistema v razviti: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Znak, 2014. 632 p. (Studia Philologica). (in Russian).

49. Prozorov V. V. Typology of speech genres in terms of fiction-writing modes theory. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>

50. Prozorov V. V. Poetics of human interaction in K. D. Ushinsky's essay "A Travel to Volhov". *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 146–154 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-146-154>

Поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 23.12.2022
The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 23.12.2022